

МАКЕДОНИЗМЫ У ЕВРИПИДА

Ч. ПОГИРК

Последние годы своей жизни Еврипид, как известно, провел в столице Македонии, при дворе великого реформатора¹ и покровителя искусств, царя Архелая, прозванного за это греками *φιλόμουσος*².

В литературном отношении этот период жизни великого трагика был плодотворным. Для театров, созданных Архелаем в Пелле и Дионе, Еврипид написал одну из лучших своих пьес, «Ифигения в Авлиде.» Здесь же, под влиянием оргиастического культа Диониса, очень популярного в этой местности, он написал «Вакханки».

В честь своего любезного хозяина Еврипид создал трагедию «Архелай», где, изменив официальную версию легенды о создании македонского государства³, называет основателя македонской династии именем своего друга, царя Архелая. Эта трагедия к сожалению утеряна, но ее сюжет известен благодаря одной из басень Хигина (219-я).

Пребывание Еврипида в Македонии оставило следы не только в его литературном творчестве, но и в его языке. В поздних его сочинениях встречаются три слова, которые, по указаниям античных лексикографов, являются македонскими.

Одно из этих слов это прилагательное *ἀμαλός* «мягкий, нежный, молодой». Это слово встречается дважды у Гомера⁴. Несмотря на то, что это слово как нельзя лучше подходит к лирической лексике, оно встречается только у Еврипида⁵. Хотя семья этого слова не исчезла у греков (см. *ἀμαλδύνω*, *μαλακός* и т.д.), глоссографы считают его македонским: *ἀμαλή· ἡ ἀπαλή· ἡ δὲ λέξις Μακεδόνων* стоит в «*Etymologicum Magnum*». Здесь мы имеем дело, по всей вероятности, с архаизмом, исчезнувшим у греков, но который

¹ Фукидид, II, 100.

² Элиан, Пестр. ист. II, 21.

³ Геродот, VIII, 137—138.

⁴ Илиада, XXII, 310: *ἄρ' ἀμαλήν*; Одисс. XX, 14: *ἀμαλῆσι σκυλάκεσσι*.

⁵ Геракл, фрагм. 75.

македоняне, находящиеся в латеральном ареале, сохранили еще с периода греко-македонской лингвистической общности. О литературном влиянии Гомера на македонский язык не может быть и речи ¹.

Другое македонское слово у Еврипида, это слово *δαίτας* «распределяющий пищу на пирах», встречающееся в греческом лишь у Еврипида ². У Псевдо-Кирилла мы читаем: *δαίτας· μεριστάς· ὡς οἱ Μακεδόνες φασίν*. Семья этого слова хорошо засвидетельствована у греков еще со времени Гомера: глаголы *δαίω*, *δαίνυμι*, *даитреύω*, существительные *δαῖς*, *δαίτη*, *дайтύς* «пир», имя деятеля *даитрós* и отвлеченное образованное от него *даитроσύνη*. Слово *δαίτας* встречается, однако, в Греции лишь в собственных именах *Δαίτας*, ³ *Δαίτης*, ⁴ *Ἰσοδαίτης* (эпитет Плутона) ⁵ и в лаконическом сложном слове *κρεωδαίτης*, засвидетельствованном поздно, у Плутарха. ⁶ Речь идет об имени деятеля, образованном при помощи суффикса *-της* (*-τας*), которое, также как и *-τηρ*, обозначает обычного профессионального исполнителя какого-либо действия, в то время как случайный исполнитель выражен образованиями на *-τωρ*. Суффикс *-τας* встречается в целой серии специфически македонских имен, как *Ἀμύντας*, *Βούτας*, *Κορράτας*, *Πευκέστας*, *Φιλώτας*. Значение *-τας* и *-τηρ* совершенно тождественно ⁷. Интересно, однако, то, что в целом ряде случаев македонский предпочитает *-τας* там, где в греческом имеется *-τηρ* (*-τωρ*): мак. *Ἀμύντας*, но гомеровское собственное имя *Ἀμύντωρ* и гр. *ἀμυντήρ* и *ἀμύντωρ*; мак. *ἀόρτης* «ранец», но гр. *ἀορτήρ* «плечевая перевязь»; в нашем случае, мак. *δαίτας*, но соответственное гр. *даитрós* (как и производное от него *даитроσύνη*) — прилагательные образования, предполагающие слово типа **дайтῆρ* или **дайтωρ*. Речь идет опять-таки о термине, восходящем, очевидно, до эпохи греко-македонской общности, но встречающемся в этой форме лишь в македонском, что указывает на древнюю диалектальную разницу между македонским и греческим языками.

Последнее македонское слово, встречаемое у Еврипида, это *γυάλας* «бокал». Как и в предыдущих случаях, прилагательное *γυάλος* «выдолбленный, сводчатый» — это древнее греческое слово, употребляемое еще Гомером как эпитет панцыря ⁸. Позднее оно обозначает яму, вырытую в земле, пещеру ⁹ или долину ¹⁰. Гесикий и «*Etymologicum Magnum*» дают *γυάλας· εἶδος ποτηρίου παρὰ Μακεδόσι* на основании одного места из трудов македонского историка Марсия, сохранившегося у Афиня, XI, 467 С, где говорится, что это слово обозначало бокал, из которого выпивал, совершив возлияние, македонский царь при посещении своих городов. Еврипид, кото-

¹ Poffmann, *Die Makedonen*, Göttingen, 1906, стр. 119—120.

² A. Nauck, *Tragicorum Graecorum fragmenta* ², фрагм. 475, 12 (отрывок из «Кретаны»).

³ Схолии к Пиндару, Нем. VI, 62.

⁴ Афиней, IV, 174 а.

⁵ Гесикий, под словом.

⁶ Плутарх, Лисимах, 23 и *Moralia*, 644 в.

⁷ E. Benveniste, *Noms d'agent et noms d'action en indo-européen*, Париж, 1948 г., стр. 56.

⁸ Гомер, Илиада, V, 99, 189, VII, 122, XIII, 507, 587 и др.

⁹ Софокл, Филоклет, 1081: *πέτρας γυάλον*.

¹⁰ Гимн Аполлону, 396; Гесиод, Теогон. 499; Пиндар, Пиф. VIII, 66, Нем. X, 56; Эсхил, Просит. 550.

рый принимал участие в пирах Архелая, знал, несомненно, как говорится по македонски «бокал».

Очень показательно то, что до отъезда в Македонию Еврипид употреблял это слово также как и его современники в смысле «долины»¹ или «пещеры»². Именно в произведении, написанном в Македонии, в трагедии «Ифигения в Авлиде», появляется это слово в его македонском значении: χρυσεοῖσιν ἄφυσσε λοιβάν / ἐν κρατήρων γυάλοις (Ифиг. в Авлиде, стих. 1051—1052).

Характерно то, что Еврипид не употребляет македонских слов, совершенно чуждых греческому языку, а лишь вновь вводит в употребление слова, существовавшие когда-то в Греции, но сохранившиеся только в Македонии, либо употребляет македонские формы или значения хорошо знакомых в Греции слов. Так, например, δαίτας — вполне понятная форма для каждого грека, даже если она ему неизвестна. Что касается слова γυάλας, поскольку его значение в Греции было совершенно другим, поэт заботится добавить к слову γυάλοις определение κρατήρων, восстанавливая, таким образом, семантическую эволюцию этого слова в самой Македонии: первоначально оно было, без сомнения, и здесь прилагательным, определяющим существительное женского рода со значением «бокал»; со временем выражение стало привычным, существительное пропускалось, а γυάλα стало существительным.

Употребляя македонские слова, Еврипид опирается на авторитет Гомера или на существование в греческом языке других слов той же семьи. Осторожность Еврипида понятна. Известно, вообще, что поэт пользовался изящным и в то же время простым и правильным аттическим языком³. Сам Аристофан, который так часто осуждает Еврипида, считая его на много ниже остальных двух трагиков, хвалит его стиль⁴, в то время как Эсхила упрекает в том, что он употребляет тяжеловесные, претенциозные выражения.

Как известно, греческое происхождение македонян оспаривается главным образом из-за скудности и недостоверности существующих данных. «Македонизмы» Еврипида являются доказательством в пользу родства македонян с греками. Македонские слова, встречающиеся у Еврипида, ни в коем случае нельзя считать заимствованными из греческого; это — древние слова, с периода греко-македонской лингвистической общности, имеющие специфическую семантическую, фонетическую и морфологическую эволюцию в каждом языке в отдельности.

К тому же, македонские слова это не единственное свидетельство Еврипида в пользу родства греков и македонян. Представления греческих трагедий в Дионе и в Пелле предполагают наличие публики, понимающей греческий язык, ибо ни при одном другом чужеземном дворе, даже когда цари были греками⁵, не давалось греческих представлений. О эллинизации македонян во время Архелая не может быть и речи: непосредственные отношения между

¹ Феник. 237.

² Гелена, 189: πέτρινα γυάλα.

³ Аристотель, Риторика, III, 2, 1404 в 25; Дионис Галик. Vet. ser. cens., II, 11; Трактат о возвышенном, 40; Диоген Лаэрт. IV, 26.

⁴ Χρῶμαι γὰρ αὐτοῦ τοῦ στόματος τῷ στοργγύλῳ Аристофан, фрагм. 397, „ore rotundo“, как сказал бы Гораций.

⁵ G. N. Hatzidakis, R. Et. Gr., 41 (1928), стр. 402.

македонянами и греками носили до этого времени спорадический характер. Массивное смешение населения произошло лишь во времена Филиппа II и Александра Великого. Многочисленная македонская публика должна была говорить на очень близком к греческому языку, чтобы понимать греческие трагедии. То, что они действительно понимали язык действующих на сцене персонажей, засвидетельствовано у Тертуллиана, где говорится, что на первом представлении трагедии «Эдип» в Македонии, публика, разгоряченная вином, подала грубоватую реплику на жалобы Эдипа¹.

Свидетельство, хотя и скромное, данное Еврипидом в пользу греческого происхождения македонян, является запоздалым признанием заслуг принявшего его Архелая, дань гостеприимству, *ξενίας καὶ φιλίας χάριν*.

¹ *Apologeticum*, IX.